

УДК: 81'276:81'282:323.1

DOI: 10.22363/2313-2299-2017-8-4-1084-1102

МИНОРИТАРНЫЙ ЯЗЫК, МИНОРИРУЕМЫЙ ЯЗЫК, МИНОРИЗИРУЕМЫЙ ЯЗЫК ИЛИ ЯЗЫК В МИНОРИТАРНОЙ СИТУАЦИИ? ОПЫТ ДЕФИНИЦИИ И ИСПОЛЬЗОВАНИЯ В СИТУАЦИИ

Антуан Паско

UMR 5478 IKER, Университет Бордо Монтень
Domaine Universitaire, 19 Esplanade des Antilles, 33607 Пессак, Франция

В статье представлена социолингвистическая типология языков, составляющих категориальное поле лингвистической миноритарности. Рассмотрены смыслы и коннотации, стоящие за такими понятиями, как минорация и миноризация, представлен семантический анализ, даны сходства и различия таких номинаций, как *миноритарный язык*, *минорируемый*, *миноризируемый* язык и язык в миноритарной ситуации. Семантический анализ подкреплен описанием ситуаций, попадающих под ту или иную категорию и опирающихся на предложенный автором концептуальный аппарат. При создании типологии автор показывает роль экстралингвистических количественных и качественных параметров, влияющих на социолингвистический тип языка. Подчеркивается, что миноритарный и минорируемый язык не являются синонимическими, поскольку за первым стоят преимущественно количественные параметры разного типа, в первую очередь демолингвистические, а за вторым качественные, макросоциолингвистические, функциональные и социокультурные, связанные с его статусом. Особое внимание уделяется языкам, оказавшимся в условиях миграции, поскольку, в зависимости от исходного статуса, они могут испытывать двойное и тройное давление со стороны доминирующих языков.

Ключевые слова: социолингвистика, семантика, категоризация, миноритарный язык, ситуация миноритарности, типология

ВВЕДЕНИЕ

Изучение ситуаций языковой миноритарности является одним из наиболее актуальных вопросов в области социолингвистических исследований, а возобновившиеся в 2014 году во французском парламенте дебаты по ратификации Европейской Хартии региональных и миноритарных языков Совета Европы (1992) придают ему особую остроту. Как представляется, чтобы адекватно оценить причины и последствия подобных ситуаций, было бы полезным провести исследование, подводящее итоги анализу концептосферы понятий, связанных с языковой миноритарностью.

Настоящая статья написана по итогам диссертации, защищенной 31 января 2014 года¹. В ней с учетом более ранних работ в области *языковой минорации* предложен вариант типологии номинаций, характеризующих феномен, который час-

---

¹ Языки иммиграции в отношении к территории: на примере европейских сообществ мигрантов в агломерации Бордо (*Langues d'immigration et rapport au territoire. Le cas des communautés migrantes européennes dans l'agglomération de Bordeaux*). Диссертационное исследование было осуществлено в рамках исследовательского гранта Региона Аквитании, связанного с программой *Миноритарные языки и языковые периферии в Европе* (*Langues minoritaires et marges linguistiques en Europe*) под руководством Ален Вио. Он также был руководителем настоящей диссертации.

то неточно и, по-видимому, слишком расширено получает название *миноритарный язык*.

Для анализа выбраны четыре ключевые номинации — *миноритарный язык* (*langue minoritaire*), *минорируемый язык* (*langue minorée*), *миноризируемый язык* (*langue minorusée*), *язык в миноритарной ситуации* (*langue en situation minoritaire*), к которым по мере необходимости для прояснения их смыслов добавлен ряд других концептов (например, *язык идентификации* или *обыденный язык*), что приводит к попытке создания социолингвистического терминологического метаязыка. Также в целях уточнения теоретических положений в статье предлагается анализ ряда языковых ситуаций на основе предложенного концептуального аппарата. Изначально объектом исследования были собственно языки иммиграции, затем оно переросло в анализ места последних в языковой ситуации минорации.

МИНОРИТАРНЫЙ ЯЗЫК

Из четырех концептов *миноритарный язык*, образованный с использованием прилагательного, производного от слова «меньшинство», является, с одной стороны, наиболее употребительным в социолингвистической литературе, но и наименее определенным как с точки зрения дефиниции, так и с точки зрения функционирования. Даже при условии, что нет жесткой необходимости дать предельно четкое определение этой номинации, поскольку она приобретает свою значимость прежде всего в оппозиции по отношению трем другим, тем не менее представляется необходимым привести наиболее известные дефиниции².

Мы предлагаем отталкиваться от определения, данного Советом Европы в *Пояснительном докладе к Европейской Хартии региональных и миноритарных языков* (1993), так как этот текст имеет официальный характер и представлен на всем европейском пространстве. Значение прилагательного «миноритарный» вполне определено и входит как составная часть в единую номинацию, используемую Хартией, но следует подчеркнуть, что эта номинация не *миноритарные языки*, а *региональные или миноритарные языки*, что и порождает определенную двусмысленность относительно интерпретации данного понятия [см. Dannequin 1997, Jensdottir 2002, Woehrling 2005, Alkin 2006, Viaut 2006 и другие]. Тем не менее возможность использовать для интересующего нас понятия определение Совета Европы существует, поскольку оно включает два прилагательных — *миноритарный* и *региональный*. Наличие двух определяющих обеспечивает лучшее понимание текста в странах, которые в будущем могут подписать Хартию.

«Прилагательное „миноритарный“ относится к ситуациям, в которых язык используется либо лицами, не сосредоточенными на определенной части территории государства, либо группой лиц, которая, хотя и сосредоточена на определенной территории государства, все же является численно меньшей, чем население в данном регионе, говорящее на языке большинства жителей данного государства» [Conseil de l'Europe 1993: параграф 18].

Таким образом, с точки зрения экспертов Совета Европы *миноритарным языком* является язык, на котором говорит группа лиц в государстве, но который

² Данная часть статьи основана на нашем магистерском исследовании магистерской диссертации [Pascaud 2008].

не является языком, на котором говорит большинство населения данного государства. Подобным образом *миноритарный язык* определяется К. Джорджевич [Djordjevic 2006: 299]: «Язык является миноритарным, если число говорящих на этом языке меньше, чем число говорящих на „основном“ языке в рамках данного государства».

Однако при строгом следовании дефиниции Совета Европы могут возникнуть определенные трудности. Так, язык, на котором говорят на определенной территории внутри государства, отличный от языка, на котором говорит основное население государства, но одновременно являющийся мажоритарным языком в данном регионе, не может быть признан миноритарным языком. Тем не менее он является таковым в рамках государства в целом. Дефиниция Совета Европы несколько размыта, поскольку не определяет понятие языковой территории. Пояснительный доклад ограничивается следующим ее определением: «Территория, на которой региональный или миноритарный язык используется значительной частью населения, пусть меньшинством, и которая соответствует его историческому ареалу распространения» [Conseil de l'Europe 1993: параграф 34].

Таким образом, определение миноритарного языка СЕ может быть срезюмировано следующим образом: язык, чтобы считаться миноритарным, должен использоваться группой населения меньшей по численности, чем группа основного населения государства, на территории которого он используется, и не должен быть доминирующим в той или иной географической зоне данного государства. Пример курдского языка в Турции может быть неплохой иллюстрацией данного парадокса: курдский язык можно считать миноритарным в рамках турецкого государства, но он не является таковым в ряде восточных регионов Турции, поскольку там на нем говорит большинство населения.

В общем и целом дефиниция Совета Европы служит хорошим отправным пунктом для определения номинации *миноритарный язык*, однако, как уже было отмечено, возникает вопрос о содержании понятия «территория». Таким образом, данная дефиниция оказывается недостаточной и должна быть дополнена с разных точек зрения. С позиции лингвистики это было сделано в приведенной выше цитате К. Джорджевич.

Эрик Аллард [Allard 1992: 45—54] исходит из принципа, что «миноритарными языками являются языки, которые, по мнению говорящих на них, являются или должны являться автономными по отношению к языку большинства» [Там же: 47], и выделяет четыре основных критерия миноритарного языка [Там же: 51]:

— само-категоризация (самоидентификация): представляющая «элемент, маркирующий языковые меньшинства в современной Европе, в большей степени чем внешние категоризации» [Там же: 52];

— общие корни: «отношения родства представляются (...) особенно важными», «это необходимое условие для группы, если она желает, чтобы ее расценивали как языковое меньшинство» [Там же: 52];

— культурные и исторические особенности, связанные с языком: «они могут быть связаны со словарем, грамматикой или произношением» [Там же: 53];

— социальная организация взаимодействия внутри языковой группы, которая ставит данные группы в миноритарное положение [Там же: 53].

Из четырех критериев Эрика Алларда для нас наиболее важными представляются первый и четвертый: «миноритарный язык» — это язык, который сами говоря-

щие воспринимают таковым и который находится в социально миноритарной ситуации по отношению к доминирующей группе. Эти критерии вносят уточнения в приведенное выше определение: *миноритарный язык*. Это язык, на котором говорят группы населения, численно меньшие по отношению к основному населению страны или региона (фактор территории), он должен восприниматься в таком качестве говорящими на основном языке, но, что важнее, и самими говорящими на этом языке (фактор внешней категоризации и само-категоризации).

По сути Эрик Аллард предостерегает от использования простого и единственного критерия, согласно которому любой язык, число носителей которого являлось бы меньшим по отношению к основной группе, мог бы считаться «миноритарным языком». В подтверждение своей точки зрения Аллард приводит пример языковой ситуации в Бельгии, где две основных языковых группы — фламандцы и валлоны — «часто фигурируют в списке языковых меньшинств Европы» [Там же: 48]. Автор настаивает, на том, что «решающим фактором для определения меньшинства должна быть ситуация на ограниченном пространстве и социальная категоризация, а не численный показатель населения» [Там же: 48]. Таким образом, если валлоны не являются миноритарной группой, и, следовательно, не говорят на языке, который можно было бы отнести к миноритарным³ внутри региона их расселения (Валлония) и даже в рамках Бельгии (валлонские и фламандские регионы, к которым нужно добавить германоязычную коммуну на востоке страны), то, тем не менее, их можно считать меньшинством в рамках Европы в целом. Таким образом, язык, на котором говорит основное население, может быть квалифицирован как миноритарный в зависимости от избранного географического масштаба. Эти соображения подводят нас к необходимости определения не только понятия *территории*, но и *пространства*.

Возникает вопрос, является ли Бельгия территорией (*territoire*)⁴ или пространством (*espace*)⁵, состоящим из ряда территорий по образцу, например, Европейского

³ В данном случае речь идет о французском языке в его региональном варианте языка группы oïl в Бельгии и признанного в этом качестве в рамках государства.

⁴ Будучи дискуссионным, понятие и определение территории, предложенное географами, может быть сведено к следующему: «(...) любое социализованное пространство, присвоенное населяющими его лицами, каков бы ни был его размер» [Baud, Bourgeat, Bras 1995: 138].

«Территория» старое слово [которое] имеет обыденное и особое значение. В первом случае оно означает какую-либо часть земного пространства, обычно ограниченного. (...) Второе значение более сложное, появившееся в результате развития биологии животных, соответствует идее присвоения, принадлежности, или как минимум использования. Это пространство, в котором живут, которым живут, которое маркируют и за которое сражаются» [Brunet 2001: 16—17].

См. также Badir [1995] и Levy, Lussault [2003].

⁵ Понятие пространства географами определяется следующим образом:

«(...) для географа пространство в самом обычном смысле слова представляет собой некую местность или его ограниченную часть на земной поверхности, которую можно подвергнуть картографированию» [Baud et al. 1995: 132].

«Географическое пространство это определенная часть земной поверхности. (...) Любое географическое пространство обладает протяженностью; оно может быть разъединенным, «распавшимся»; его границы могут быть размытыми. Оно не обязательно обладает *центром*; оно не обязательно соответствует пространственной системе. Географическое пространство в целом представляет собой совокупность различных географических пространств» [Brunet, Ferras, They 1993: 195]. — Курсив текста оригинала.

Союза? Эти территории — а данная гипотеза все более и более актуальна в виду современной ситуации в стране — могли бы соответствовать языковым зонам валлонского, фламандского и немецкого языков и могли быть разграничены по языковым границам разных языков⁶.

Таким образом, понятие *территории* становится центральным в вопросах, связанных с понятием «миноритарный язык», но оно никак не соотносится с официальным или политическим статусом языка, хотя последний самым тесным образом связан с состоянием языка. Таким образом, *миноритарные языки* не определяются в терминах статуса. Говорить о статусе языка или о его официальном признании представляется излишним, для того чтобы классифицировать тот или иной язык в качестве миноритарного, и параметры, представленные выше в наших рассуждениях, достаточны, чтобы отнести тот или иной язык к миноритарным. Первым и наиболее важным является параметр, определенный У. Маккейем как «демографический фактор языковой мощи» [Maskey 1976: 203]: чем больше носителей имеет тот или иной язык, тем больше его мощь, а язык или языки, находящиеся в его окружении, окажутся в миноритарной ситуации по отношению к этому последнему. «Парадокс территории», весьма спорный, поскольку как таковой приложим к любой ситуации, становится очевидным на примере ситуации в Бельгии и также является важным фактором категоризации языка в качестве миноритарного. Хотя сам по себе парадокс территории оказывается ничем иным как иным способом применения демографического фактора в ситуациях, где последний на первый взгляд не очевиден. Если допустить наличие неких меньшинств, а следовательно, и их миноритарных языков, которые существуют без собственной и определенной территории (например, цыгане, или население, говорящее на идиш), то последние все же попадут под определение «миноритарный», поскольку численно они уступают большинству на любой из территорий.

В заключение хочется привести высказывание Жана Мишеля Касбарьяна [Kasbarian 1997: 185], которое прекрасно резюмирует сказанное и в котором четко обозначены трудности, связанные с формулировкой точного определения понятия *миноритарный язык* с необходимым и неизбежным учетом фактора территории:

«Среди экстралингвистических параметров широко распространенный принцип территории исходит, очевидно, из предположения, что нормальной ситуацией будет такая, в которой географические и лингвистические границы совпадают, где все жители данного региона являются монолингвами (критерий единства) и где миноритарный язык с арифметической точностью определяется как язык численно меньшей группы (критерий «размера» и «использования»)» [Kasbarian 1977: 185].

Итак, понятие *миноритарный язык* является недостаточным для описания всех ситуаций, в которых присутствуют языковые меньшинства, и, шире, любые процессы языкового минорирования. Построенное сознательно и исключительно на демографических и территориальных принципах, понятие «миноритарный язык»

---

⁶ Более детально вопросы, связанные с понятием территории, языка и пространства изложены в [Viaut, Pailhé 2011].

часто смешивается с понятием *минорируемый язык* (*langue minorée*), относящееся в большей степени к политическим и социальным парадигмам, о чем говорилось в работах А. Буайе:

«Следует уточнить, что *минорируемый язык* не является по определению *миноритарным* (он может быть даже мажоритарным, как это происходит в случае с гуарани Парагвае или с галисийским в Галисии). Можно сказать, что «миноритарный» относится к *демолингвистическим* параметрам, тогда как «минорируемый» — к *макросоциоллингвистическим*: функциональным и социокультурным» [Boyer 2006: 261]⁷.

Для дальнейшего изложения представляется важным дать определение этому новому понятию, однако прежде следует остановиться на категориях, впервые привлеченных внимание в ходе анкетирования, выполненного для *l'Institut d'Estadística de Catalunya* (IDESCAT) в 2008 году [Idescat 2009: 171—188], где исследовался вопрос, как сами носители языка квалифицируют свой язык и которое коррелирует с определением самокатегоризации в вышеупомянутых работах Эрика Алларда.

ИЗНАЧАЛЬНЫЙ ЯЗЫК, ЯЗЫК ИДЕНТИФИКАЦИИ И ОБЫЧНЫЙ ЯЗЫК⁸

Исходная идея была простой: в зависимости от избранной точки зрения каталанский язык в Каталонии может рассматриваться как *мажоритарный язык* региона, но также и как *миноритарный язык*. В действительности, все зависит от видения языка его носителями: является ли он для них *изначальным языком* (*llengua inicial*), языком их идентификации (*llengua d'identificació*) или их *обычным языком* (*llengua habitual*)? Ответы приводят к парадоксальной ситуации: один и тот же язык (в данном случае кастильский и каталанский) могут быть по очереди миноритарными или мажоритарными:

«(...) „Изначальный язык“ соответствует первому выученному и используемому в домашних условиях языку. Это язык передаваемый в семье и приобретенный в процессе социализации. Термин *изначальный язык* был впервые введен в рамках проекта EULP08⁹, проект EULC03¹⁰ использовал преимущественно термин «первый язык» (*langue première*), понятие более двусмысленное.

Вторым ключевым концептом, используемым Idescat, стал *язык идентификации*, иными словами, язык, который респондент считает своим настоящим языком — по крайней мере в терминах эмпатии — и который может отличаться от *изначального языка*. В EULC03 использовался термин *собственный язык* (*langue propre*), категория более неопределенная по сравнению с версией EULP08. Существует также третья категория *обычный язык*, то есть язык, привычно используемый респондентом в акте коммуникации, тот, которым он пользуется чаще всего» [Jiménez-Salcedo 2011: 22—23].

⁷ Курсив принадлежит тексту оригинала.

⁸ Langue initiale, langue d'identification et langue habituelle

⁹ EULP08: *Enquesta d'usos lingüístics de la població 2008 (note non-présente dans le texte original)*.

¹⁰ EULC03: *Estadística d'usos lingüístics a Catalunya 2003 (note non-présente dans le texte original)*.

Три ключевых концепта, показавшие себя как весьма эффективные в ходе проведения опросов в данном регионе, в ситуации официального билингвизма, находятся в центре затронутой нами проблематики определения «миноритарного языка». Если в ходе проведения анкетирования большинство респондентов заявили, что их изначальным языком является каталанский, то это означает, что данный язык может быть признан мажоритарным языком региона. В то же время большинство тех же самых респондентов может заявить, что их обычным языком является кастильский. В таком случае каталанский переходит в разряд миноритарного языка.

Ситуация каждого языка уникальна и теоретически существует столько возможных типов ситуаций, сколько существует языков. Вместе с тем три перечисленных ключевых концепта остаются неизменными и представляют собой константу. Так, возможно вообразить ситуацию, в которой один и тот же носитель использует три языка. Такова ситуация во французской Стране басков вблизи от испанской границы. Мать респондента говорит исключительно по-французски, отец билингв (французский и баскский), сам он же работает в Испании, следовательно, на работе говорит по-испански. В данной ситуации возможно предположить, что этот человек может рассматривать французский как свой изначальный язык (язык, на котором воспитывала его мать), баскский — как язык идентификации (язык его отца и территории на которой он вырос) и испанский как обычный язык (язык, который он использует на работе). Этот теоретический, но вполне правдоподобный¹¹ пример, показывает, что в зависимости от избранного ракурса для носителя язык может иметь разный статус и в большом масштабе может серьезным образом влиять на статистические данные и искажать реальную картину языковой ситуации.

На практике обращение к данным EULP08 покажет, что во всех случаях испанский язык опережает каталанский:

- изначальный язык: 55% испанский, 31,6% каталанский,
- язык идентификации: 46,5% испанский, 37,2 каталанский,
- обычный язык: 45,9 испанский, 35,6 каталанский [Idescat 2009: 171—172]¹².

Несмотря на некоторую неясность данной ситуации, представляется необходимым и интересным рассмотреть возможное соотношение языков, которое может стать причиной разногласий, поскольку зависит от избранной точки зрения. В настоящей статье миноритарный язык понимается гибко. Язык может быть миноритарным по одной или трем составляющим. В дальнейшем изложении мы будем уточнять, что конкретно понимается под этим термином, если будет возникать риск двусмысленности толкований. Перейдем к понятию «минорируемый язык».

¹¹ Другие примеры этого же типа можно отыскать в ситуациях миграции. См. нашу диссертацию, о которой говорилось выше.

¹² Недостающие проценты относятся к другим языкам, представленным в Каталонии, в большинстве к языкам мигрантов.

МИНОРИРУЕМЫЙ ЯЗЫК

Данный термин, производный от глагола *minorer*¹³, используется меньше чем другие, однако в наш анализ типов языков, общим названием которым является *миноритарный*, показывает, что он является центральным и существенным, особенно при употреблении в паре с термином *языки иммиграции*. Прежде чем определить совокупность смыслов термина *минорируемый язык* и показать, почему он представляется центральным для нашего сюжета, необходимо рассмотреть значения глагола *минорировать* (*minorer*). В состав термина он входит в форме причастия прошедшего времени (*minorée*) и транспозируется в прилагательное. Информационный ресурс TLFi¹⁴ предлагает следующее его определение: «Преуменьшать значимость или важность чего-л.». Реалии, попадающие под номинацию *минорируемый язык*, могут быть определены следующим образом: «Язык, чья значимость или важность преуменьшается». Таким образом, становятся очевидны различия с номинации *миноритарный язык*, подчеркнутые Анри Буайе: «Минорирование¹⁵ (...) феномен функциональный и социокультурный», в то время как основная характеристика миноритарного языка «демолингвистического порядка» [Boyer 2006: 261].

Таким образом, миноритарный язык, как это было определено раньше, — это язык, носители которого более малочисленны по сравнению с носителями другого языка, взятого в качестве основания для сравнения. Чисто количественное отношение между миноритарным и мажоритарным языком может быть локализовано на ограниченной территории (определенный регион) или же на больших — государство и даже широкие ареалы, как например Европа, подходящие под определение пространства, а не территории. Отношения между дихотомией языков миноритарный/мажоритарный, если и включают элемент доминирования, то обусловленный исключительно численностью носителей языков. В отношении же между *минорируемым языком* и другим, который в большинстве случаев является мажоритарным, речь идет не просто о квантитативных социолингвистических характеристиках языка, но о квалитативных и статусных, о чем хорошо было сказано в уже цитированной работе Ксении Джорджевич. Позволим себе привести цитату полностью:

«Миноритарное население — это население численно меньшее по сравнению с остальным жителям государства-нации. *Минорируемый язык* — это язык, области использования которого ограничены юридически и фактически. На наш взгляд, этот термин может трактоваться иначе, чем *миноритарный язык*. Язык является миноритарным, если количество его носителей меньше, чем количество говорящих на «основном» языке государства в целом. Миноритарный язык не обязательно

¹³ Преуменьшать, недооценивать, оценивать снизу. *Минорировать* как математический термин. Далее мы будем использовать кальку с французского минорировать. (Примечание переводчика).

¹⁴ *Trésor de la Langue Française informatisé* (Компьютерная база данных Сокровища французского языка)

¹⁵ *minoration*.

представляет собой минорируемый язык. Его статус и функции иногда могут быть равными статусу и функциям «основного» языка. Мы предпочитаем использование термина *минорируемый язык* (*langue minorée*) термину *миноризируемый язык* (*langue minorisée*), поскольку первый делает акцент на минорации в качественном и функциональном плане (язык расценивается как менее значимый и легитимный в силу навязанной ситуации диглоссии), второй, как нам кажется, следует трактовать в количественных параметрах (язык, число носителей которого было сознательно уменьшено) (...)» [Djordjevic 2006: 298—299].

Очевидно, что *минорируемый язык* может быть описан в терминах доминируемый/доминирующий язык, работе *Langues et conflit, études sociolinguistiques* (1996) писал Анри Буайе. Автором анализируется «франко-окситанский конфликт диглоссного типа», а также ситуация языка гуарани в Парагвае, оказавшийся с течением времени в ситуации диглоссии по отношению к кастильскому. Выводы по подобным ситуациям представлены в его более поздней статье:

«(...) Языковая минорация (minoration) (или миноризация (minorisation)) сводится к разным степеням редукции нормального использования языка в обществе (соответственно в разных сферах коммуникации). Подобная редукция может быть обусловлена внутренними факторами, но чаще всего она является следствием доминирования (domination), испытываемого языковым сообществом в течение более менее длительного периода времени (иногда в течение многих веков), которое в зависимости от типа может быть более или менее жестким» [Boyer 2006: 261].

С идеями Анри Буайе перекликается теория «языковой мощи» Уильяма Маккея [Maskey 1976: 203—204]. Если первый фактор «демографический» предопределяет формирование мажоритарного и миноритарного языков, то, совершенно очевидно, что пять следующих факторов его классификации непосредственно и опосредованно связаны с формированием минорируемого языка (который одновременно может быть и миноритарным). Действительно, «экономические», «идеологические» и «культурные» факторы находятся в тесной связи с мощью доминирующего языка. Этот «большой язык»¹⁶ оказывает подавляющее воздействие на другой язык, который таким образом становится доминируемым и минорируемым. Отношения доминирования, а следовательно, и минорации естественны и неизбежны, если носители «большого» языка являются жителями (или выходцами) из экономически преуспевающих регионов, или же они носители влиятельной религиозной или политической идеологии, или же их язык является проводником блестящей культуры. Три данных фактора вместе, равно как и их комбинация, неизбежно способствуют укреплению власти языка или же, как минимум, его укреплению по отношению к другому языку и в эндогенных и в экзогенных типах контекстов. Остаются еще два фактора (распространение языка и мобильность носителей языка), предложенные У. Маккеем, которые, как представляется, работают в том же направлении, что и вышеперечисленные. Очевидно, что диаспоризация населения способствует распространению языка, идет ли речь о миграции постоянной или временной (студенты, туристы...). Франкофония или же гегемония англ-

¹⁶ Кавычки в данном случае являются авторскими и не являются цитированием У. Маккея.

лийского языка в современном мире являются тому яркими свидетельствами. Три первых критерия позволили Франции и англофонным странам (в первую очередь Великобритании и позже США) быть представленными в различных регионах Африки и Азии и таким образом увеличить влияние своих языков по отношению к местным, оказавшимся в положении минорируемых. В границах одного государства подобные процессы проходят сходным образом. В качестве обратимся к ситуации с региональными языками во Франции. Влияние мощи французского языка и его носителей (культурной, политической, экономической) на другие языки, такие как бретонский или окситанский, позволило с течением времени установить обязательность образования на французском языке в пределах Франции и способствовало мобильности и утверждению франкофонного населения в окситано- и бретоноговорящих регионах, что в итоге привело к очевидному господству французского языка над всеми региональными языками Франции.

Все же два последних фактора (распространение языка и мобильность населения) сами по себе недостаточны для того, чтобы обеспечить доминирующее положение одного языка и минорирование другого. Они могут работать в обратном направлении в таких случаях как экономическая или политическая миграция населения и даже мобильность студентов, приезжающих из менее развитых стран в более развитые, например, мобильность студентов из Африки в Европу. В подобных случаях мобильность и рассеяние выступают синонимами: чаще всего для таких языков сам факт перемещения в регионы, где они не используются или используются мало, выступает фактором минорации. Таким образом, процесс миграции способствует переходу языка из статуса мажоритарного или, по крайней мере, не-минорируемого в статус миноритарного в основном смысле, представленном выше.

Прежде чем завершить и подвести итог различным теориям, представленным в данной части, обратимся к десяти социолингвистическим критериям Жана-Мишеля Касбаряна [Kasbarian 1997: 186—187], по которым может быть охарактеризован минорируемый язык:

«1. Отсутствие официального статуса: минорируемый язык не является официальным, ко-официальным или национальным.

2. Отсутствие институционализованного использования: минорируемый язык не разрешен при составлении текстов официального или административного характера.

3. На нем не осуществляется образование, и он не является предметом преподавания.

4. Его передача осуществляется преимущественно в устной форме. Письменная продукция не существует или же крайне незначительна (какова бы ни была его символическая функция).

5. Нет доступа к таким средствам массовой информации, как радио и телевидение.

6. Приобретение языка происходит преимущественно в семье, а не в школе.

7. Его социальная значимость ограничена, знание языка не дает преимуществ для его носителей в плане социальной мобильности или профессионального роста.

8. Минорируемый язык находится не в конкурирующем положении по отношению к другим языкам, а в дополнительном: веикулярные (*véhiculaire*) функции осуществляются доминирующим языком, минорируемый язык осуществляет вернакулярные (*vernaculaire*) и символические функции.

9. Функциональные распределение отношений между минорируемым языком и доминирующим стабильны на протяжении длительного периода времени.

10. Минорируемый язык не подвергается процессу нормализации/стандартизации. Варианты данного языка не являются объектом унификации; не создается обработанный вариант языка, или он не распространяется; минорируемый язык не подвергается процессу грамматикализации (сокращения вариативных форм посредством письменности и создания письменной продукции на основе стандарта, объекта металингвистического описания) и не обладает средствами регуляции его использования (словари, кодификация орфографии...).

Десять вышеперечисленных критериев представляют собой набор дистинктивных признаков, определяющих минорируемый язык. Но, как отмечал Жан-Мишель Касбарян в параграфе, предшествующем данному перечню, минорируемый язык может «характеризоваться по всем или по части» данных критериев. Так, первый критерий связан со статусом языка (официальным, ко-официальным или национальным), которых минорируемый язык иметь не должен. И если это верно для подавляющего большинства минорируемых языков (например, для курдского в Турции или баскского во Франции), то все же есть исключения. В качестве примера можно привести ретороманский язык (*romanche*) в Швейцарии (но также и гуарани в Парагвае), который, несмотря на свой официальный статус в кантоне Гризон, в рамках всей Швейцарской Конфедерации в целом (статья 70-1 швейцарской Конституции от 1999 года¹⁷) находится в ситуации доминирования со стороны официальных в данном кантоне немецкого и итальянского языков.

Уязвимое положение носителей ретороманского языка, несмотря на его официальный статус и на его преподавание как в классической форме, так и в форме методик погружения, — яркий пример его минорации. Цитируем работу Реми Жоливе: «Идея, согласно которой часть ретороманского языка деградировала бы тем меньше, чем более обеспеченно его место в системе образования, (...) поставлена под сомнение» [Jolivet 2004: 325].

Попутно заметим, что третий критерий, согласно которому минорируемый язык не может быть языком преподавания или предметом изучения в системе образования, также может быть поколеблен примером ретороманского языка.

Для каждого из десяти вышеперечисленных критериев можно найти контр-примеры, за исключением, может быть, только девятого. Он определяет функциональные отношения между минорируемым языком и доминирующим, которые должны быть «стабильны на протяжении длительного периода времени». Подобная стабильность отношений между минорируемым языком и доминирующим

¹⁷ «Официальными языками Конфедерации считаются немецкий, французский и итальянский. В отношении с лицами ретороманского языка официальным языком является также ретороманский».

на протяжении длительного времени, как кажется, факт неоспоримый, о каких бы языках речь ни шла. Доминирующее положение турецкого, французского, немецкого или испанского языков по отношению, соответственно, к курдскому, бретонскому, ретороманскому или гуарани, длится на протяжении десятков лет, если не столетий, и, по всей видимости, будет не только продолжаться, но и укрепляться.

Завершая размышления относительно критериев Жана-Мишеля Касбарьяна, каждый из которых, взятый отдельно недостаточен для определения минорируемого языка, хотелось бы заметить, что существуют языки, которые могут быть охарактеризованы всеми критериями одновременно. Как представляется, ситуация курдского языка в Турции может послужить подобным примером минорации¹⁸ и даже более того. Если можно говорить об иерархии ситуаций, то курдский язык со всей очевидностью представляет собой кандидата, подходящего под категорию *миноризируемого языка* (*langue minorisée*), термина, о котором пойдет речь далее.

МИНОРИЗИРУЕМЫЙ ЯЗЫК

Этот термин, часто смешиваемый с близким ему термином *минорируемый язык*, от которого он образован, хотя и уступает по важности двум предыдущим, но может быть полезен при описании ряда конкретных ситуаций. Начнем анализ с данных TLFi¹⁹ с целью выявить значения глагола миноризировать (*minoriser*). Даже если данные электронного словаря оказываются недостаточным, они, тем не менее, позволяют понять причины регулярного смешения понятия *мирируемый* и *миноризируемый языки*. Глагол *миноризировать* (*minoriser*) определяется как синоним глагола *минорировать* (*minorer*), однако суффикс *-из-* (*-ise-*) добавляет глаголу новый смысл, отмеченный Ксенией Джорджевич [Djordjevic 2006: 298—299]²⁰:

«...Мы предпочитаем говорить о минорируемом языке, а не о миноризируемом. Первый термин в большей степени подчеркивает факт минорации в качественном и функциональном аспектах (язык расценивается как имеющий меньшую значимость и меньшую легитимность в силу навязанной диглоссии), в то время как второй термин, как нам представляется, более подчеркивает количественные различия (язык, число носителей которого было сознательно уменьшено (...))».

Таким образом, следуя определению, вернее уточнению, Ксении Джорджевич, станет возможным определить *миноризируемый язык* как подкатегорию *минорируемого языка*. Миноризируемый язык — это минорируемый язык в отношении другого доминирующего языка, но который подвергается минорации в результате осознанных действий его носителей или же государства или правительства. Если мы вернемся к ситуации курдского языка в Турции, то очевидно, что этот язык является *миноризируемым*, поскольку, помимо доминирования турецкого в качественном и функциональном плане на территории страны, он стал объектом политики девалоризации со стороны турецкого государства, причем даже в тех регионах, где этот язык совершенно очевидно и мажоритарный, и исторический. Сход-

¹⁸ По этому вопросу мы отсылаем к работам Акина [Akin 2004: 22—25].

¹⁹ TLFi (*Trésor de la langue française informatisé*).

²⁰ Данное различие смыслов было отмечено не только в этой работе, см. также [Huck, Blanchet 2006].

ная ситуация наблюдается с региональными языками Франции, которые рассматриваются в качестве миноритарных и минорируемых. Современный статус этих языков стал результатом длительной кампании по их миноризации, начавшейся в период революции и отмеченный анкетой аббата Грегуара [Abbé Grégoire, 1794] и продолжавшейся в течении XIX и XX веков. Желание утвердить по идеологическим соображениям французский язык на всей территории Франции привело революционеров к сознательному решению понизить потенциальные права региональных языков (*patois*²¹) с целью минимизировать их использование.

Три термина, используемые, часто неточно, для классификации миноритарных языков, теперь можно считать эксплицитными и определенными. Остается еще одна номинация — *язык в миноритарной ситуации*. Несмотря на то, что эта последняя применяется чаще всего к описанию языков в контексте иммиграции, она близка к тому, что попадает под категорию *минорируемый язык*, и на этом основании может быть включена в данную типологию.

ЯЗЫК В МИНОРИТАРНОЙ СИТУАЦИИ

Данная номинация применяется, как правило, для описания ситуации миноритарии, в которой оказываются языки, являющиеся мажоритарными и доминирующими в своих странах и регионах, но оказавшиеся в условиях иммиграции. Она близка к номинации *минорируемый язык*, но не эквивалентна ей, поскольку языки в ситуации миграции обладают рядом социолингвистических особенностей. Действительно, минорируемый язык — это язык со сниженным значением и ценностью. В автохтонных и эндогенных ситуациях — это языки, испытывающие давление со стороны доминирующего языка и его носителей. Но такое понимание в целом соответствует и может быть применено и к языкам иммиграции. Язык иммиграции по определению становится миноритарным и минорируемым, хотя бы в силу нахождения на территории, где он является не историческим, экзогенным языком. Введение дополнительного термина *язык в миноритарной ситуации* оказывается, в принципе, излишним, если мы апеллируем набором из трех категорий (миноритарный язык, минорируемый язык и миноризируемый язык). Однако он может оказаться полезным, чтобы подчеркнуть различие, с одной стороны, между языками, которые были уже минорируемыми в стране происхождения и стали дважды минорируемыми, оказавшись в ситуации иммиграции, и, с другой стороны, между мажоритарными языками в странах исхода, попадающими в ситуацию минорирования только в ситуации иммиграции. Так, курдский язык во Франции станет минорируемым языком в миноритарной ситуации, а португальский — языком в миноритарной ситуации. Тем не менее, номинация *минорируемый язык* остается предпочтительной, поскольку она вполне достаточна для составления данной типологии.

---

²¹ Название, данное революционерами, является скорее категоризацией и закрепилось в языке для пейоративного обозначения языков и диалектов. С течение времени оно потеряло отрицательные коннотации, по крайней мере в среде лингвистов, которые стали его употреблять в научном смысле. См. Matinet [Matinet 1970: 152—153] и Walter [Walter 2008: 26—27], цитированные Viaut [Viaut 2014: 330—331].

ЗАВЕРШАЮЩИЙ ОБЗОР И ПРИМЕНЕНИЕ В СИТУАЦИЯХ

Представляется, что в наиболее наглядном виде обзор рассмотренных понятий может быть представлен в виде таблицы, комментарии к которой, резюмирующие анализ дефиниций, будут приведены ниже.

Таблица

**Шесть различных статусов эндогенного языка
(на своей исторической территории)**

Статус языка				Примеры
мажоритарный	миноритарный	официальный	минорируемый	
X		X	X	Белорусский в Белоруссии
X		X		Французский во Франции
X			X	Курдский в Турции (восточной)
	X	X	X	Ретороманский в Швейцарии (Гризон)
	X	X		Каталанский в испанской Каталонии
	X		X	Баскский во французской Стране басков

Составлено А. Паско

Два первых статуса *мажоритарный* и *миноритарный* ни при каких обстоятельствах не могут быть применены к одному и тому же языку в одних и тех же условиях, следовательно, они находятся в дополнительном распределении. Два вторых статуса могут дополнять вместе или по отдельности два первых. Официальный характер языка является статусом, а не признанием его как такового: например, баскский язык официально признан во Франции в качестве языка Франции в документах Генеральной делегации по французскому языку и языкам Франции²²) и изменениях, внесенных в Конституцию Франции в 2008 году²³, но не имеет никакого официального статуса. Номинация *миноризируемый язык* не учитывается в данной таблице из практических соображений. Она является подкатегорией *минорируемого языка*, и ее присутствие в данной таблице представляется необязательным.

Первый тип представляет собой крайне редкий случай мажоритарного, официального, но одновременно минорируемого языка. Представляется, что белорусский язык в Белоруссии все же может служить примером подобной ситуации: будучи языком большинства населения и официальным языком страны, он, тем не менее, испытывает доминирующее воздействие со стороны русского языка, доминирующего языка бывшего советского пространства, а также языка с большим культурным и статусным потенциалом.

«Это доминирование сформировалось в момент революции, результатом которой стало развитие белорусского языка в качестве языка школьного обучения, а следовательно, как языка белорусской культуры, что позволило начать обсуж-

²² Délégation générale à la langue française et aux langues de France (DGLFLF).

²³ Конституция Французской Республики, статья 75-1, созданная на основе конституционного закона № 2008-724 от 23 июля 2008 года и модернизовавшая институты V Республик, статья 40: «Региональные языки составляют национальное достояние Франции».

дать вопросы о важности образования и культуры. Главенствующие позиции в этой области остались за русским языком. Далее, техническое развитие белорусского общества осуществлялось в городах, следовательно, техническая культура была русскоговорящей. Таким образом, наиболее амбициозные белорусы, чтобы получить доступ к престижным сферам, выбирали русский язык в ущерб белорусскому. Затем ими была развита аргументация, поддержанная и деревенскими жителями, в которой развивались тезисы о превосходстве городского статуса и их русского языка над белорусским, языком деревни и крестьянства. Этот последний был сведен к фольклорному элементу, хотя часто и не без чувства теплой привязанности к нему» [Jeauthau 2003: 104].

Под второй тип попадают случаи большинства официальных европейских языков. Язык является официальным в рамках государства и на основании этого мажоритарным внутри него. К таковым относятся французский во Франции, португальский в Португалии, немецкий в Германии и многие другие.

Третий тип, мажоритарный минорируемый язык, более редок, несмотря на то, что его можно часто наблюдать в больших странах, на территориях которых проживают этнические, религиозные или языковые меньшинства. Показателен пример курдского языка на востоке Турции. Несмотря на подавляющее большинство курдского населения в восточных регионах страны (Восточная и Юго-Восточная Анатолия), язык этого населения является минорируемым со стороны государства, одноязычного в правовом отношении:

«Между курдским и берберским языком общим является то, что они минорируемы на собственных исконных территориях (...). На курдском языке говорят 35 миллионов человек в Иране, Ираке, Сирии и Турции. Но только в Ираке курдский наряду с арабским является официальным языком страны, в Турции же, где, по данным Европейской комиссии, на курдском говорят от 15 до 20 миллионов жителей, он не обладает никаким статусом» [Akin 2006: 57—58].

Подобные случаи мажоритарных и одновременно минорируемых языков вытекают из их неофициального характера, но также, как это происходит с курдским языком, из их непризнания. Языки, не имеющие официального статуса в странах, где на них говорят, подвержены естественной тенденции к минорации, поскольку их место в обществе не определено. Это касается как школы, так и административной сферы. Интересно отметить, что отсутствие официального статуса часто (всегда?) приводит к минорации, но минорация может быть и в случае наличия официального статуса (белорусский язык).

Четвертый тип представляет собой случай миноритарного, официального и минорируемого языка на своей исконной территории. Обычно, а согласно европейской точки зрения всегда, язык, который приобрел статус официального, редко является минорируемым, поскольку официальный статус дает право на ряд таких привилегий, как преподавание, административное и юридическое признание, что способствует процветанию языка и уменьшению или даже исчезновению отношений доминирующий/доминируемый язык. На деле, как это было показано на примере белорусского языка в Белоруссии, возможна такая конфигурация, что официальный и мажоритарный язык государства может быть минорируемым

по отношению к другому престижному языку. Последствия относительно недавнего советского прошлого этой страны ощущаются и сегодня. Сложным представляется случай ретороманского языка в Швейцарии, хотя число говорящих на нем неизмеримо меньше белорусофонов. Ретороманский, ко-официальный язык в Швейцарии наряду с немецким, французским и итальянским, является официальным языком кантона Гривон на востоке страны, где на нем говорит только часть населения, что позволяет классифицировать его как официальный, но миноритарный язык. Как уже было отмечено выше, официальный характер ретороманского языка не мешает факту его минорации, например, на уровне преподавания по сравнению с другими языками региона — итальянским и особенно немецким.

Типичными представителями пятой категории будут автохтонные языки Испании (*langues propres*). Это миноритарные и официальные языки, число говорящих на которых меньше, чем число говорящих в данном регионе на другом языке (испанском), но которые пользуются официальным статусом в регионе, где они являются исконными. Каталонский язык в Испанской Каталонии — типичный представитель данной категории. Язык признается официальным Хенералитетом Каталонии (*Generalitat de Catalunya*), но, согласно двум исследованиям *Idescat*, проведенным в 2003 и 2008 годах (см. выше), является миноритарным, поскольку на нем говорит менее пятидесяти процентов населения.

Наконец, шестая и последняя из возможных категорий представляет собой случай большинства миноритарных языков, в том числе, например, во Франции. Баскский язык, как бретонский или окситанский, — миноритарный и миноризируемые языки как во Франции в целом, так и на их исконных территориях.

ЗАКЛЮЧЕНИЕ

В завершении данной типологии представляется необходимым еще раз подчеркнуть, что различные социолингвистические конфигурации подвергаются трансформациям в условиях миграции, где начинают действовать новые факторы минорации. Если для такого языка, как французский во Франции (тип 2) или каталонский в испанской Каталонии (тип 5) — это явление новое, то для других языков миграция влечет за собой вторичную минорацию, присоединяясь к первичной, испытанной в стране исхода. Языки, представляющие 1, 3, 4 и 6 типы, испытывают двойное давление, оказавшись языками миграции. Иная степень минорации отмечается в случае наличия официального статуса у языков на их исконных территориях. Такие государства, как Греция, Португалия, Испания и другие, помогают выходцам из этих стран в организации в странах пребывания языковых курсов, на которых преподаются официальные языки этих стран в рамках программы ELCO²⁴ или же при посредстве работы посольств и консульств. В тоже время очень

²⁴ ELCO: преподавание языков и культур происхождения. Европейская программа, включающая девять стран: Алжир, Хорватию, Испанию, Италию, Марокко, Португалию, Сербию, Тунис и Турцию. Реализована на базе двусторонних договоров, опирается на европейскую директиву от 25 июля 1977 года о школьном образовании детей трудовых мигрантов.

трудно, если вообще возможно, получить помощь страны исхода для изучения неофициального и непризнанного языка, например, курдского языка для мигрантов-курдов.

Языки, представляющие типы 2 и 3 классификации, являющиеся официальными в странах своего происхождения, становятся минорируемыми в условиях миграции в силу утраты языком официального статуса, примером может послужить греческий во Франции.

Языки, представляющие 1 и 4 типы, официальные и минорируемые в собственных странах, например, ретороманский за пределами кантона Гривон в Швейцарии, в условиях миграции испытывают двойную минорацию: язык не является официальным на новых территориях проживания населения, что приводит к минорации, дополняющей минорацию на исконных землях проживания.

Наконец, языки, представляющие типы 3 и 6, не имеющие никакого официального статуса в своих странах и являющихся там минорируемыми, испытывают тройную минорацию в условиях миграции: язык минорируем фактом миграции, минорируем в стране исхода, что усугубляет ситуацию, поскольку данный язык не может рассчитывать на помощь государства-исхода для организации обучения для своих носителей, что может привести к усилению минорации.

© Паско Антуан

Дата поступления: 1.05.2017

Дата приема в печать: 15.09.2017

REFERENCES

1. Akin, Salih (2004). Comment ne pas nommer une langue? Le cas du kurde dans le discours juridique turc. *Babylonia*, n°1, pp. 23—25.
2. Akin, Salih (2006). La Charte européenne des langues, les “langues des migrants” et les “langues dépourvues de territoire”, *Lengas, revue de sociolinguistique*, n°59. pp. 51—66.
3. Allardt, Erick (1992). Qu'est-ce qu'une minorité linguistique? in Giordan, Henri (dir.), *Les minorités en Europe: droits linguistiques et droits de l'homme*. Paris: Kimé. pp. 45—54.
4. Badie, Bertrand (1995). *La fin des territoires. Essai sur le désordre international et sur l'unité sociale du respect*. Paris: Fayard.
5. Baud, Pascal; Bourgeat, Serge & Bras, Catherine (1995). *Dictionnaire de géographie*. Paris: Hatier.
6. Baylon, Christian & Mignot, Xavier (2005). *Initiation à la sémantique du langage*. Paris: Armand Colin.
7. Boyer, Henri (dir.) (1996). *Sociolinguistique, territoire et objets*. Lausanne: Delachaux et Niestlé.
8. Boyer, Henri (2006). Présentation, *Ela. Études de linguistique appliquée*, n°143. pp. 261—263.
9. Boyer, Henri & Natali, Caroline (2006). L'éducation bilingue au Paraguay ou comment sortir de la diglossie, *Ela. Études de linguistique appliquée*, n°143. pp. 333—353.
10. Brunet, Roger (2001). *Le déchiffrement du monde, théorie et pratique de la géographie*. Paris: Belin.
11. Brunet, Roger; Ferras, Robert & Thery, Hervé (1993). *Les mots de la géographie, dictionnaire critique*, 3ème édition, Montpellier. Paris: RECLUS/La documentation française.
12. Conseil de l'Europe (1992). *Charte européenne des langues régionales ou minoritaires*, <http://conventions.coe.int/treaty/fr/Treaties/Html/148.htm> (consulté le 26 Juillet 2014).
13. Conseil de l'Europe (1993). *Rapport Explicatif de la Charte européenne des langues régionales ou minoritaires*, <http://conventions.coe.int/treaty/fr/Treaties/en/Reports/Html/148.htm> (consulté le 26 Juillet 2014).

14. Dannequin, Claudine (1997). La Charte européenne des langues régionales ou minoritaires, *Mots*, n°52, pp. 152—157.
15. Depecker, Loïc (2002). *Entre signe et concept. Eléments de terminologie générale*, Paris: Presses Sorbonne Nouvelle.
16. Djordjevic, Ksenija (2006). Mordve, langue minoritaire, langue minorée: du discours officiel à l'observation du terrain, *Ela. Études de linguistique appliquée*, n°143, pp. 297—311.
17. Grégoire (abbé), Henri-Baptiste (1794). *Rapport sur la Nécessité et les Moyens d'anéantir les Patois et d'universaliser l'Usage de la Langue française. Séance du 16 prairial, l'an deuxième de la République, une et indivisible; suivi du décret de la Convention nationale, imprimés par ordre de la Convention nationale, et envoyés aux autorités constituées, aux sociétés populaires et à toutes les communes de la République*, <http://www.axl.cefan.ulaval.ca/francophonie/gregoire-rapport.htm> (consulté le 26 Juillet 2014).
18. Huck, Dominique & Blanchet, Philippe (dirs.) (2006). *Minorations, minorisations, minorités: études exploratoires*, Rennes: Presses Universitaires de Rennes.
19. IDESCAT (2009): *Esquesta d'usos lingüístics de la població 2008*, Barcelone, Generalitat de Catalunya.
20. Jeantheau, Jean-Pierre (2003). Bélarus: de la langue à l'Etat, *Glottopol, revue de sociolinguistique en ligne*, n°1, pp. 98—109, http://www.univ-rouen.fr/dyalang/glottopol/numero_1.html (consulté le 26 Juillet 2014).
21. Jensdottir, Régina (2002). Qu'est-ce que la Charte européenne des langues régionales ou minoritaires? *Herodote*, n°105, pp. 169—177.
22. Jimenez-Salcedo, Juan (2011). Quelques pistes méthodologiques en démolinguistique: la langue catalane et son Enquête d'usages linguistiques, *Cahiers québécois de démographie*, n° 40/1, pp. 13—38.
23. Jolivet, Rémi (2004), «Enseignement et maintien d'une langue menacée: le romanche» in Feuillard, Colette (éd.), *Créoles — Langages et Politiques linguistiques*, Bern, Berlin, Bruxelles, Frankfurt am Main, New York, Oxford, Wien: Peter Lang, 2004.
24. Kasbarian, Jean-Michel (1997). Langues minorées et langues minoritaires» in Moreau, Marie-Louise (éd.) (1997). *Sociolinguistique: concepts de base*, Sprimont: Mardaga, pp. 185—188.
25. Levy, Jacques; Lussault, Michel (2003). *Dictionnaire de la géographie et de l'espace des sociétés*, Paris: Belin.
26. Mackey, William F. (1976). *Bilinguisme et contact des langues*. Paris: Klincksieck.
27. Martinet, André (1970). *Eléments de linguistique générale*. Paris: Armand Colin.
28. Pascaud, Antoine (2008). *Pratiques et vitalité des langues d'immigration européennes en France: le cas du Portugais à Angoulême*, Mémoire de Master, Université Michel de Montaigne Bordeaux III (directeur: Alain Viaut). Non publié.
29. Pascaud, Antoine (2014). *Langues d'immigration et rapport au territoire. Le cas des communautés migrantes européennes dans l'agglomération de Bordeaux*, Thèse de Doctorat, Université Bordeaux Montaigne (directeur: Alain Viaut). Non publiée.
30. Saussure (de), Ferdinand (1916). *Cours de linguistique générale*, Paris: Payot (édition 1995).
31. Viaut, Alain (2006). Les langues “historiques de l'Europe” et la Charte européenne des langues, *Lengas, revue de sociolinguistique*, n°59, pp. 67—81.
32. Viaut, Alain (2014). Langue et territoire à travers les notions désignant les langues en situation minoritaire en France et en Russie In Viaut, Alain; Moskvitcheva, Svetlana (dirs), *Catégorisation des langues minoritaires en Russie et dans l'espace post-soviétique*, Pessac: Maison des Sciences de l'Homme d'Aquitaine.
33. Viaut, Alain & Pailhé, Joël (dirs) (2010), *Langue et espace*, Pessac: MSHA.
34. Walter, Henriette (2008), *Aventures et mésaventures des langues de France*. Paris: Editions du temps.
35. Woehrling, Jean-Marie (2005). *La Charte européenne des langues régionales ou minoritaires: un commentaire analytique*. Strasbourg: Editions du Conseil de l'Europe.

УДК: 81'276:81'282:323.1

DOI: 10.22363/2313-2299-2017-8-4-1084-1102

MINORITY LANGUAGES, MARGINALIZED LANGUAGES, MINORITIZED LANGUAGES OR LANGUAGE IN A MINORITIAL SITUATION? ATTEMPTED DEFINITION AND PERFORMANCES

Antoine Pascaud

UMR 5478 IKER, University Bordeaux Montaigne
Domaine Universitaire, 19 Esplanade des Antilles, 33607 Pessac, France

Abstract. The article presents a sociolinguistic typology of languages that make up the categorical field of a linguistic minority. Meanings and connotations behind such concepts as minorization and minorization are considered, semantic analysis is presented, similarities and differences of such nominations of minority languages, marginalized language, minoritized language and a language in a minoritial situation are given. The semantic analysis is supported by the description of situations corresponding to different categories. While creating a typology the author shows the role of extralinguistic quantitative and qualitative parameters influencing the sociolinguistic type of language. He emphasizes that minority and minoritized languages are not synonymous since the first one is primarily based on quantitative parameters of various types, mostly demologistic, and second one lies on qualitative parameters, macro-sociolinguistic, functional and sociocultural associated with its status. Special attention is drawn to languages that are put into the conditions of migration as they may experience double or triple pressure from the dominant languages due to their initial status.

Key words: sociolinguistics, semantics, categorization, minority language, situation of minority

Для цитирования:

Паско А. Миноритарный язык, минорируемый язык, миноризируемый язык или язык в миноритарной ситуации? Опыт дефиниции и использования в ситуации // Вестник Российского университета дружбы народов. Серия: Теория языка. Семиотика. Семантика, 2017. Т. 8. № 4. С. 1084—1102. doi: 10.22363/2313-2299-2017-8-4-1084-1102.

For citation:

Pascaud A. (2017). Minority languages, marginalized languages, minoritized languages or language in a minoritial situation? Attempted definition and performances. *RUDN Journal of Language Studies, Semiotics and Semantics*, 8(4), 1084—1102. doi: 10.22363/2313-2299-2017-8-4-1084-1102.

Antoine Pascaud, 2017. *RUDN Journal of Language Studies, Semiotics and Semantics*, 8(4), 1084—1102. doi: 10.22363/2313-2299-2017-8-4-1084-1102.

Сведения об авторе:

Паско Антуан, доктор филологических наук, ассистент Университета Бордо Монтень; *научные интересы:* социолингвистика, типология миноритарных языков, региональные языки Франции; *e-mail:* antoine.pascaud1@gmail.com, antoine.pascaud1@gmail.com

Bio Note:

Pascaud Antoine, PhD, professor assistant at the Bordeaux Montaigne University; *scientific interests:* sociolinguistics, typology of minority languages, regional languages of France; *e-mail:* antoine.pascaud1@gmail.com